

Юрий Петренко

Печать и пуля: Крымский узел

Юрий Петренко

Печать и пуля: Крымский узел

«Автор»

2026

Петренко Ю. А.

Печать и пуля: Крымский узел / Ю. А. Петренко — «Автор»,
2026

Осень 1903 года. Россия. Крым. Империя готовится к стройке железнодорожного тоннеля под Ай-Петри, который должен связать Севастополь и Ливадию. Проект утвержден императором. Однако на пути встает Кубанский винный синдикат, готовый на все, чтобы сорвать строительство в пользу Новороссийских портов. Это хроника профессионального противостояния, где судьбы людей, миллионные состояния и геополитические проекты Империи решаются в жестких схватках на обледенелых перронах. В смертельный маховик ведомственной войны оказываются втянуты случайные попутчики: бакинский миллионер Николай Тарасов и прима столичного театра Алиса Коонен. В этой гонке на выживание сквозь у героев нет права на ошибку. Здесь неуправляемая актерская паника становится отвлекающим маневром, угнанный маневровый паровоз — единственным шансом на прорыв заслона, а чистый лист бумаги путейского ведомства — более грозным щитом, чем пуля. Повесть лишена пафоса и литературных излишеств. Основано на реальных событиях

© Петренко Ю. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мальпост на Байдарских воротах	5
Глава 2. Листригоны и Севастопольский узел	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Юрий Петренко

Печать и пуля: Крымский узел

Глава 1. Мальпост на Байдарских воротах

Ноябрьский шторм, пришедший со стороны мыса Ай-Тодор, превратил Южнобережное шоссе в сплошное ледяное месиво. Тяжелый почтовый мальпост — приземистая, наглухо обитая уездным железом карета на три пары битюгов — не просто карабкалась, а с боем прорывалась к перевалу Байдарских ворот. Колеса, обмотанные просмоленными пеньковыми канатами, с визгом проскальзывали на обледенелых гранитных валунах. Корпус экипажа швыряло из стороны в сторону. Каждый удар о скальную стену отзывался скрежетом ступиц и глухим матом кучера, безуспешно пытавшегося удержать коней над обрывом. Крымская осень уходила, оставляя после себя ржавую сырость и злой, режущий ветер, летевший с Яйлы.

Внутри кареты пахло мокрым сукном, кавалерийской кожей и сырым, удушливым углем. Старый филёр Кузмич, угрюмо развалившись на жестком сиденье, левой рукой прижимал к груди плоскую жестяную коробку карманного «калорифера» — дорожной грелки, внутри которой едва теплился прессованный угольный брикет. Правая его рука, забинтованная чистым жандармским полотном после недавних мангупских скал, висела на суконной перевязи под армяком. Шрам на его щеке от ночного холода потемнев, стал похожим на старый кожаный рубец.

Внезапно мальпост подбросило. Снаружи раздался истошный свист, и в ту же секунду левое боковое стекло разлетелось в пыль от удара тяжелого свинцового кистеня. Карету рвануло влево — подрезанный коренной битюг рухнул на колени, увлекая за собой упряжку.

— К бою, пан Станислав! — рявкнул Кузмич. Он с поразительной унтер-офицерской легкостью вышиб хлипкую каретную дверцу здоровым плечом.

Из набежавшего со скал тумана прямо на подножку прыгнул плотный силуэт в татарском чекмене с башлыком, закрывающим лицо. В его руке тускло блеснула сталь кавказского кинжала-камы. Кузмич не стал тратить секунды на револьвер. Его тяжелая дубовая трость с литым латунным набалдашником с глухим хрустом опустилась на запястье нападавшего. Разбойник взвыл, роняя клинок, но из пелены уже вынырнули еще двое, целясь из укороченных охотничьих ружей-берданок прямо в салон экипажа.

Коткевич, сидевший до этого неподвижно, резко подался вперед. Его длинная трость со скрытым четырехгранным стилетом скользнула сквозь разбитое окно кареты, с точностью швейной иглы вонзившись в плечо первого стрелка. Тот выронил ружье, которое с грохотом разрядилось в обледенелое дорожное полотно. Второй нападавший попытался вскинуть ствол, но Кузмич, навалившись всем весом, сбил его с ног, впечатав затылком в обледенелый гранитный бордюр. Сверху на дорогу обрушился тяжелый оползень из подтаявшего снега и камней, окончательно отрезая нападавшим путь. Оставшиеся разбойники растворились в глухом горном тумане столь же стремительно, как и появились.

— Извозчикья рвань, — тяжело дыша, процедил Кузмич, вытирая окровавленный набалдашник о снег. — Ялтинские ломовики. Наняли бахчисарайских абреков, чтобы нас до перевала не пустить. Назад в карету, пан Станислав, пока камнями не засыпало!

Коткевич спокойно вернулся на сиденье, застегнув на все пуговицы столичный дорожный фрак. Поверх него был наброшен тяжелый караимский кафтан, пахнувший сухой пылью Чуфут-Кале. Его серые, лишённые эмоций глаза были прикованы к третьему пассажиру кареты, сидевшему напротив.

Этим пассажиром был инженер-полковник Министерства путей сообщения Ростислав Вонлярлярский. Во время короткой схватки он забился под сиденье, судорожно обнимая обеими руками массивный баул из черной буйволового кожи. Сумка была заперта на два массивных латунных замка, дужки которых были дополнительно обмотаны суровой бечевой и залиты толстыми комьями государственного министерского сургуча. Лицо инженера в тусклом свете каретного фонаря казалось восковым, а пальцы в грязных лайковых перчатках мелко дрожали. Он не спал больше суток.

— Вы зря иронизируете, господа жандармы, — хрипло произнес Вонлярлярский, переводя затравленный взгляд на Кузмича, когда карета, хрипя уцелевшими лошадьми, снова тронулась. — Пан Коткевич прав. Нас пасут от самой Ялты. То, что лежит в моем бауле, стоит дороже всех винокурен Южного берега, вместе взятых. Это финальные изыскания и чертежи сквозного горного тоннеля под Ай-Петри. Финал тридцатилетней войны за Ялтинскую железную дорогу.

Коткевич слегка приподнял бровь, и в его глазах блеснул привычный аналитический интерес: — Сквозной тоннель? Профессор Гарин-Михайловский в своих докладах утверждал, что пробить Яйлу насквозь из Бахчисарая в Ялту технически невозможно из-за известняковых пустот и пльвунов. Местные инженеры считали этот проект безумием.

— Гарин искал обходные пути по балкам, — Вонлярлярский нервно ухмыльнулся, сильнее вцепившись в баул. — А мои ребята пробили шурфы и нашли узкий гранитный перешеек на глубине четырехсот саженей прямо под зубцами Ай-Петри. Десять верст подземного пути в сплошной скале — и курьерский поезд из Санкт-Петербург будет приходить прямо к ялтинскому молу, минуя Севастополь и Симферополь. Ливадия утвердила проект неделю назад в строжайшем секрете. Тот, кто завладеет этими планами до того, как они лягут на стол министру в столице, сможет за копейки скупить у татар все горные склоны, через которые пройдут рельсы, и диктовать свои условия короне. Кубанские винные заводчики дали гатчинским шпионам карт-бланш. Им нельзя допустить, чтобы этот тоннель существовал. Они хотят задушить Крым.

II

Мальпост с тяжелым, металлическим стуком остановился. За окном, сквозь яростное завывание бурана, раздался зычный, простуженный крик кучера: — Станция «Байдарские ворота»! Почтовая смена! Лошадей кормить, господа пассажиры, извольте обогреться в трактире!

Дверь кареты распахнулась, впуслав колючий вихрь со снегом. Путники, согнувшись под порывами ветра, поспешили под надежную крышу длинного каменного здания почтовой станции.

Внутри было натоплено и шумно. Торговый зал путевого трактира был залит колеблющимся желтым светом керосиновых ламп. Воздух здесь был густым, сытным, насквозь пропитанным ароматами жареного курдючного жира, чеснока и мокрой овечьей шерсти. За длинными деревянными столами сидели угрюмые извозчики в тяжелых нагольных тулупах — те самые ялтинские ломовики и владельцы линеек, которые первыми потеряют кусок хлеба, если на Южный берег придет поезд. Они недобро, исподлобья косились на форменную шинель Вонлярлярского.

— Эй, хозяин! — крикнул Кузмич, с грохотом опуская свою дубовую трость на дощатый пол, привлекая внимание. — Живее мечи на стол чего горячего! Чтобы кровь в жилах заиграла!

Трактирщик-татарчу засуетился, и уже через пять минут перед сыщиками стояли глубокие глиняные миски с обжигающей **шурпе-шорба**. Это был густой, наваристый зимний суп из степной баранины. Крупные куски мяса тонули в янтарном жире, а сушеный кизил отдавал бульону свою благородную кислинку. Кузмич щедрой рукой сыпанул туда жгучего красного перца из жестянки и принялся за еду, шумно орудуя ложкой. Следом подали **янтыки**

— огромные чебуреки, запеченные без капли масла на сухой чугунной сковороде. Тончайшее тесто вздулось золотистыми пузырями, и когда Коткевич аккуратно надломил край, изнутри брызнул ароматный, кипящий мясной сок.

— Позвольте к вашему обеду, полковник, — Коткевич повернулся к Вонлярлярскому, который сидел боком к столу, по-прежнему держа баул на коленях. — Хозяин, подай голицынского муската из погребов удельного ведомства!

Трактирщик мгновенно побледнел, испуганно замахал руками и отступил к стойке: — Что вы, барин, какое голицынское! Нет вина! Склады Ливадии в Севастополе под арестом из-за иска кубанских заводчиков. Кубань магарыч шлет, Крым фальшивкой зовет. Люди из Тамани все кабаки объехали, пригрозили: кто крымское нальет — у того бочки пожгут, а шинок пустят по ветру. Только кислый кубанский квас остался!

Кузмич, жевавший янык, замер и с грохотом опустил стакан на стол: — Чиво? Какая еще Тамань на наших воротах распоряжается? Ты, рожа татарская, кому служишь — Его Величеству или кубанским шинкарям?

— Оставьте его, Кузмич, — Коткевич мягко остановил филёра движением руки и повернулся к инженеру. — Дело глубже, чем упрямство трактирщика. Не так ли, полковник?

Вонлярлярский тяжело вздохнул, осторожно поставил баул на лавку рядом с собой и потянулся к стакану с горячим чаем фабрики Высоцкого, чтобы согреть замерзшие пальцы. Его взгляд, устремленный на запертую кожаную сумку, потемнел.

— Вот вам и война виноделов в чистом виде, Станислав Францевич, — тихо, оглядываясь на угрюмых извозчиков в углу, произнес полковник. — Кубанские винные короли дали гатчинским шпионам полный карт-бланш. Им во что бы то ни стало нельзя допустить, чтобы этот чертов тоннель под Ай-Петри вообще существовал. Они спят и видят, как бы задушить Крым.

— Экономика заговора, — Коткевич точным движением разрезал янык. — Кубань берет объемами, но проигрывает ялтинскому качеству на столичных выставках.

— Именно! — Вонлярлярский подался вперед, понизив голос до свистящего шёпота. — Сейчас доставка крымского вина на материк — это сущий ад. Лошадьми через перевалы до Севастополя, оттуда морем или редкими казенными эшелонами. Дорого, долго, сусло киснет в дороге. Кубанцы пользуются этим и демпингуют цены на столичных складах, наводняя империю своим дешевым прессованным продуктом. Но представьте, что рельсы лягут сквозь Яйлу. Поезд под Ай-Петри уничтожит кубанский демпинг в одночасье. Полгода — и Крым завалит Санкт-Петербург и Москву дешевым, свежим и лучшим в мире мускатом. Прямым железнодорожным путем.

— И гатчинское ведомство решило разыграть эту карту, — подытожил Коткевич, глядя в поднимающийся от шурпы пар.

— Гатчина продает кубанцам государственные тайны, — горько усмехнулся Вонлярлярский. — Векселя, подкупы, акцизные клейма... Заводчики Тамани и Абрау финансируют шпионов Особой Канцелярии, а те взамен пообещали похоронить проект Ялтинской железной дороги. Если эти чертежи исчезнут, министерство закроет изыскания еще на двадцать лет, сославшись на «техническую невозможность». Крым останется отрезанным, а Кубань сохранит свою монополию. Они готовы на любое преступление, лишь бы поезд не пошел через горы.

III

Полковник на секунду расслабился, сделав первый глоток обжигающего чая. Эта секундная потеря бдительности оказалась роковой.

Вдруг снаружи, со стороны каретного сарая, раздался пронзительный, истошный крик кучера, перекрывший свист бурана: — Пожар! Горим, православные! Лошадешек спасайте!

За окнами трактира взметнулось яростное, багровое пламя. Горел сухой овес и солома в каретнике, куда только что загнали мальпост. В ту же секунду стекла фасада с грохотом лопнули вовнутрь. Из темноты в зал полетела бутылка, начиненная паклей и горящим дегтем.

Пол трактира мгновенно превратился в ревущее огненное озеро. В начавшейся неопишуемой панике извозчики с матерной руганью повыхватывали топоры, но путь к дверям уже отрезала рухнувшая балка перекрытия. Зал заволокло густым, удушливым дегтярным дымом.

— Лошади! — рявкнул Кузмич. Несмотря на раненую руку, он одним мощным пинком вышиб заклинившую заднюю дверь кухни и ринулся в полыхающий каретник — отбивать беснующихся коней от горящих стен.

Вонярярский в испуге вскочил, кашляя от гари. Потолок над их столом трещал, готовый обрушиться тоннами горящего камыша. Коткевич железной хваткой перехватил полковника за шиворот шинели.

В этот момент из дыма вынырнул силуэт в глухом черном плаще. В руке нападавшего тускло полыхнула полоса кавалерийской шашки. Коткевич среагировал на долю секунды быстрее: его дубовая трость с металлическим набалдашником взметнулась вверх, принимая удар клинка. Искры брызнули в темноту. Сыщик резко развернул корпус и нанес встречный колющий удар в горло противника. Нападавший захрипел, отлетая в сторону горячей стойки. Не теряя мгновения, Коткевич с силой толкнул ошалевшего полковника прямо в раму разбитого окна, и они оба с грохотом вывалились на заснеженный двор путевой станции, глубоко уйдя в сугроб.

Через десять минут всё было кончено. Казаки линейного поста, дежурившие на перевале, вместе с окровавленным, но торжествующим Кузмичем сумели выкатить карету и забросать пожар снегом. Каретный сарай и трактир догорали, озаряя перевал зловещим багровым светом.

Вонярярский, тяжело дыша, сидел на обледелом бревне. Вдруг он замер, лицо его мертвенно побледнело, и он безумным взглядом посмотрел на свои пустые руки. — Баул... Господи... Баул остался там, на лавке!

Коткевич первым бросился назад в полуразрушенный, дымящийся зал трактира, пробилаясь сквозь висящие клубы серого чада. Трактирный стол был перевернут.

Массивный кожаный баул Министерства путей сообщения лежал на полу среди тлеющих углей. Но сургучные печати были безжалостно сорваны, а латунные замки выломаны с корнем. Внутри баула было пусто. Чертежи сквозного горного тоннеля под Ай-Петри исчезли. Нападавшие с шашками были лишь дымовой завесой.

Коткевич присел на корточки перед раскуроченным баулом. Вся внутренняя бархатная обивка сумки была залита густой, липкой, сильно пахнущей сивухой жидкостью — едким, недобродившим кислым сусликом прессованного кубанского винограда, присланного с Тамани. Диверсанты оставили свой фирменный знак.

Но самым важным было другое. Прямо у порога, на подтаявшем грязном снегу отчетливо отпечатался глубокий, изящный след. След дорогой женской обуви — ботильона на тонком французском каблучке, совершенно не предназначенном для горных зимних дорог. А из щели разбитого паркета шел едва уловимый, но хорошо знакомый Коткевичу шлейф: горький, тяжелый запах копейского бальзама гатчинских министерских чернил.

— Преступление первое, Кузмич, — тихо произнес Коткевич, поднимаясь и поправляя кафтан. Его серые глаза сузились, превратившись в стальные щели Системы. — Гатчинский гамбит начался прямо здесь, на перевале. Чертежи тоннеля украли. И вор бежит в Севастополь, опережая нас на один час. И этот вор... носит юбку.

Глава 2. Листригоны и Севастопольский узел

I

Карета со сломанной левой рессорой, наспех стянутой сыромятными ремнями и обрубком деревянной тележной оси, сильно заваливалась на борт. Скрип сухого дерева и скрежет металла о гранитные валуны Южнобережного шоссе заглушали завывание ветра. Лошади шли тяжело, выбрасывая копыта в обледенелую жижу, хрипели и то и дело осаживали назад на крутых поворотах спуска. Хлопья липкого мокрого снега залепляли смотровые щели экипажа. Тяжелый почтовый мальпост мотало из стороны в сторону; на каждом выбоине кузов кренился так, что колеса левого борта едва удерживали сцепление с землей. До Севастополя напрямую экипаж бы не дотянул — на первом же крутом повороте ступица бы разлетелась, увлекая карету в бездну Ласпинских скал.

Кузмич намертво перехватил кожаные вожжи здоровой правой рукой, налег грудью на деревянные козлы и сплюнул кровь из прикушенной на ухабе губы. Рукав его армяка намок от пота и подтаявшего снега, а забинтованное жандармским полотном плечо горело от невыносимой боли после мангупской схватки.

— Пан Stanisław, колесу хана! — рывкнул он вовнутрь салона, перекрывая грохот кареты и свист бурана. — Ступица греется, дым идет. Еще верста такого спуска — и костей не соберем, улетим в балку! Схожу с тракта. Слева, в низине, Балаклава. Спустимся к бухте, там у греков в портовых кузнях перекуем обруч и стянем ось стальной шиной. Заодно и пролетку проверим. По такому льду дутые шины далеко не уйдут, подмену должно было снести в долину, поближе к воде!

Коткевич, удерживая равновесие в летящем боком салоне и прижимая коленом тяжелую дубовую трость, коротко кивнул. Его лицо оставалось маской, лишенной эмоций, серые глаза сканировали темноту за разбитым окном.

— Правь туда, Кузмич, — сухо отозвался Коткевич. — Логика пространства на нашей стороне. Если баба везет чертежи сквозного тоннеля кубанским заводчиком, ей нужно судно. Пешком или на лошадях груз такого объема через жандармские посты Севастополя не протаскать. Балаклавская бухта — скальный мешок с узким горлом. Идеальное место, чтобы спрятать катер от таможенных крейсеров и брандвахты Черноморского флота. Там они попытаются передать бумаги.

Сзади, на заплыванном полу кареты, тихо стонал полковник Вонлярлярский. Он сидел на корточках, судорожно вцепившись пальцами в порванный суконный карман своей форменной шинели, откуда тускло поблескивала вороненая сталь тяжелого «смит-вессона». Лицо инженера в полумраке каретного фонаря казалось восковым.

— Господи, Stanisław Францевич... Если чертежи уйдут на Тамань, это конец, — бормотал он, стуча зубами то ли от холода, то ли от ужаса. — Государственная тайна первого разряда... Император лично наложил резолюцию «К исполнению». Меня же под трибунал, в каторгу за халатность! Кубанские винные короли зубами вцепились в этот проект, они миллионы выделили Гатчине, чтобы рельсы через Яйлу не прошли. Крымское вино задушат в зародыше, если оригиналы изысканий сгорят или пропадут...

— Помолчите, полковник, — ледяным тоном оборвал его Коткевич, не оборачиваясь. — Паника разрушает логические связи. Берегите патроны и держитесь за ремни. Сейчас нам понадобятся ваши глаза, чтобы опознать тубусы, если мы нагоним вора. Кузмич, гони коней. Каждая минута — это верста, которую катер пройдет по чистой воде.

II

Балаклава спала в ноябрьском тумане. Узкий, извилистый вход в бухту со стороны открытого моря между утесами Мыса Георгия и Генуэзской крепостью не просматривался вовсе

— казалось, что скалы сошлись наглухо, запирая черную, неподвижную воду залива в каменных тисках. На набережной, среди бесконечных рядов сохнувших сетей, бочек из-под солевой кефали и перевернутых рыбацких яликов, тускло горел один-единственный керосиновый фонарь. Его желтый, зыбкий свет выхватывал из сырой мглы деревянную вывеску кофейни грека Иваниди. Из низких окон доносился густой запах жареной рыбы, чеснока и дешевого табака.

Кузмич с натужным криком осадил загнанных, хрипящих битюгов во дворе портовой кузни, где у горна уже дремал сонный подмастерье. Не теряя секунд, Коткевич сильным толчком ноги вышиб тяжелую дубовую дверь кофейни. Внутри ворвался клуб морозного пара, мгновенно смешавшись с удушливым чадом турецкого кофе, махорки и горелого овечьего сыра.

За длинным угловым столом сидели трое крепких, обветренных до черноты греков в брезентовых штормовках, просмоленных фартуках и тяжелых сапогах. Напротив них, расстегнув ворот грубого шерстяного свитера, сидел плотный, широкоплечий мужчина с пышными усами, окладистой бородой и цепким, татарским разрезом глаз. Он что-то бурно доказывал рыбакам, яростно чертя пальцем на залитом вином столе траекторию движения косяка рыбы и зажав в зубах дымящуюся папиросу.

— Какими судьбами в нашу нору в такую рань? — мужчина мгновенно замолчал, оглядел вошедших с ног до головы и задержав взгляд на дорогом караимском кафтане Коткевича и министерских эполетах Вонлярлярского. — Писатель Александр Куприн, господа. Изучаю, так сказать, местный колорит, быт и суровые нравы балаклавских рыбаков-листригонов. Чем обязаны визиту столь представительной комиссии?

Коткевич шагнул вперед, его трость сухо и веско стукнула о грязные, покрытые рыбьей чешуей половицы пола. Никаких светских церемоний или литературных бесед он разводить не собирался — время шло на секунды:

— Пан Коткевич. Дворцовая полиция Ливадии. Александр Иванович, бросьте ваши очерки и блокноты, сейчас не до беллетристики. Час назад на Байдарском перевале было совершено нападение на курьера Министерства путей сообщения. У ведомства ушел стратегический план Ялтинской железной дороги, чертежи сквозного тоннеля. Вор — баба в черном дорожном плаще, уходила на легкой пролетке. Колеса у экипажа на дутых шинах, далеко по обледенелому склону тракта она не ушла бы, её неизбежно стащило бы к долине, к вашим причалам. Нам нужно знать, заходил ли в бухту чужой катер с Тамани в последние полчаса.

Куприн мгновенно изменился в лице. Хмельной задор сошел с него как не бывало, взгляд сделался жестким, цепким, репортерским. Он отложил папиросу в жестяную крышку и повернулся к угрюмому греку со шрамом через весь подбородок, сидевшему с чаркой мутной ракии:

— Коля, кончай глушить сивуху. Слышал, что господин из Ливадии говорит? Ты у мыса Георгия в тумане никого постороннего не засёк, когда ялик к берегу тянул? Ну-ка, выкладывай, не крути.

Грек медленно, с намеренной неторопливостью отставил стопку в сторону. Он смерил тяжелым, недобрым взглядом шитые золотом министерские эполеты Вонлярлярского, демонстративно сплюнул на пол прямо под ноги инженеру и глухо заговорил, обращаясь исключительно к Коткевичу, игнорируя бледного полковника:

— Катер был, ваше благородие. Не балаклавский и не севастопольский, это точно. Таманский баркас, плоскодонный, с двойной дубовой обшивкой и мощным керосиновым мотором — такие контрабандисты под Новороссийском и Анапой держат, чтобы спирт, шелк и табак беспопылинный из Трабзона таскать. От него за версту кислым кубанским прессованным суслом несет, они его вместо балласта в цистернах возят, чтоб таможня не докопалась. Баба в черном дорожном плаще соскочила с пролетки прямо у скалы у старого причала, лошадей в обрыв пустила, чтоб следы запутать, а сама передала рулоны в кожаных тубусах шкиперу на

борт. Только уйти в открытое море на Кубань у них не вышло. Шторм прижал к берегу, да и не это главное.

— Почему не вышло? — резко перебил Вонлярлярский, подавшись вперед всем телом и едва не опрокинув чужую глиняную чашку с остывшим кофе. — Катер перехвачен брандвахтой? Бумаги у них?

— Какая брандвахта в такой туман, полковник, не смешите балаклавских дельфинов, они сейчас все в Севастопольской бухте у броненосцев греются, — криво усмехнулся грек Паратино, обнажив желтые прокуренные зубы. — Из тумана наперерез баркасу выскочил третий. Свои люди на утесе у крепостных башен стояли, сети под навесом чинили, всё видели. Мужчина в длинном шинельном пальто путейского ведомства, но без блях, без номеров и без кокарды. Шел бесшумно, как тень по камням. Когда баркас уже отваливал от причальных камней, этот парень прыгнул на борт прямо со скалы, с высоты трех саженей. На борту сразу началась резня, крики, глухие удары. Наш шкипер — а этот таманский пес у нас полгода как прикормлен был виноторговцами — видать, смекнул, что дело пахнет казенной петлей и большой кровью. Он крутанул руль вглубь, развернул посудину и пошел по внутренней воде вдоль берега к Севастополю, под самое прикрытие береговых батарей Карантинной слободки. На Тамань через пролив они не пошли, побоялись подохнуть в море с таким пассажиром на борту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.